

Издательство
«Северный Казахстан»

*Памяти моей мамы
Егоровой Веры Захаровны*

**Татьяна
ЕГОРОВА**

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВЕРЫ

г. Петропавловск
2013

УДК 534 (85) ББК 84.3
Рус 5-2 Е 87

Е 87 Продолжение веры. Т Егорова / г. Петропавловск, Издательство
«Северный Казахстан», 2013 г. - 88 с.

ISBN 978-601-7247-38-2

В поэтический сборник Татьяны Егоровой вошли избранные стихи разных лет. Автор считает главной темой своих произведений любовь к людям и родной земле.

УДК 534 (85)
ББК 84.3 Рус 5-2

ISBN 978-601-7247-38-2

© Т Егорова, 2013
© Издательство «Северный Казахстан», 2013

Эта книга вышла в рамках патриотической акции «Чтим словом и делом», организованной филиалом НДП «Нур Отан» района Магжана Жумабаева совместно с литературно-творческим клубом «Подлесок». Цель акции - воспитывать молодежь на примерах лучших людей земли Магжана. Наши задачи: пробудить у молодых интерес к новейшей истории региона и гордость за земляков, активизировать молодых людей и направить их активность на созидательную деятельность. Акция является благотворительной, все деньги от реализации книги и проводимых клубом мероприятий будут использованы для помощи детям с ограниченными возможностями. Вера Захаровна Егорова, которой посвящена первая наша акция, почетный гражданин города Булаева, первоцелинница, поэт, журналист, общественница, пользовалась заслуженным уважением земляков. По ее инициативе был создан литературно-творческий клуб «Подлесок», и двадцать лет она была бессменным председателем совета клуба. Ее дочь, Татьяна Егорова, посвятила эту книгу своей матери. Все мы вместе с Татьяной Борисовной чтим светлую память нашей землячки и посвящаем ей наши добрые дела.

*Первый заместитель председателя
филиала НДП «Нур Отан» района
Магжана Жумабаева Б.С. Казанов*

С.А.Г. 12.04.99

Поэты падают в траву
И в рифму говорят об этом.
К ним дивом дивным наяву
Плывут закаты и рассветы.
Им, в трепете, в цвету, в росе,
И розовея от смущенья,
Сердечки дарят все сирени,
Влюбленные внимают все.
Жизнь превращается в кабак:
Сорвались с цепи моды, нравы,
В бреду дельцы, что нами правят,
И масса прочих бедолаг.
Все бред. Но я переживу,
Поскольку для меня поэты
В восторге падают в траву
И в рифму говорят об этом.

Кроткой короткою прелестью,
Грустью медового цвета,
Нежным березовым шелестом
Падало под ноги лето.
Больше не будет такого.
Как уходило волшебю!
В полузабытое слово,
В наше прощанье-прощенье.

28.09

С дождем негромкого литья
На ласковой земле
У мамы появилась я
И астры на столе.
Мне подарили мир любви
И деда взгляд прямой,
Наш дом, где я и брат росли,
А папа был живой.
По-матерински жизнь щедра,
И мама тут, со мной,
А значит, хватит мне добра
На весь мой путь земной.
Мне, брату, близким и друзьям...
Недаром столько лет
Мы вместе - мама, жизнь и я,
И астры на столе.

Пожухлая трава сквозь треснувший асфальт...
Бесцветные слова об осени твердят.
Звук вянет, гаснет мысль.
Ты жалок, одиноко.
Не раскисай! Влюбись
В нахохленный денек,
В ободранный горсад,
В прошедший листопад,
В досадный снег с дождем,
В продрогнувших девчат.
Влюбись в рябины кисть
И в зиму, что придет.
Возьми и в жизнь влюбись,
И слово оживет.
Как вечная трава
Пробьет асфальт любой.
Земля лишь тем жива,
Что есть на ней любовь.

Ему идут золотая цепь,
Ученый зверь, русалок рой.
Вознесся волею судеб,
Красивый, сильный и большой.
А я, в наивности своей,
Гордилась тем, что я не он,
Из симпатичных желудей
Творя болванов батальон.
Зря. Все одухотворено:
Жизнь, сказка, песнь, зеленый лист.
Все сущее давным-давно
Создал один анималист.
Творец нас создавал любя:
Лес, дол, зверей, меня, тебя...
Ах, если б жить, как он велел,
Чтоб каждый был друг другу люб,
Чтоб лишь об этом нам шумел
Прекрасный и могучий дуб.

Ох, обрыдло все жестокое!
Изменить бы облик свой.
Скрыться, стать густой осокою,
Голой рыбкой под волной,
Или птицею-сорокою,
Ишь, нарядною какой!
Жить от наших дряг подале
В честном мире диких тварей
И не знать газет, профкомов
И всевидящих знакомых.

И пальто весеннее
Весело приталено,
И уже протаяла
Первая проталина,
И шерстинку мне в ладони
Зайчик солнечный уронит.
А она - в капилляр,
Да по жилкам - искоркой,
И создаст экземпляр
Женщины истинной.
Обогрею каждого
Светлых слов чудом,
Буду жить отважно я
И любить буду.
Отведу беду,
Как это ни трудно,
Всюду доброту найду
И успею всюду.
Что даст Бог, с жаждою
Выпью до доньшка...
Нет обид, граждане!
Есть в крови солнышко.

В белом небе белая звезда.
Плоскость белых стен и белых лиц. А
в окне, застывший навсегда, Белый
свет. Весь белый, без границ. Эх!
Взорвать бы этот белый плен!
Я смирюсь и с болью, и с бедой,
Лишь бы вырваться из белых стен
В мир такой ужасный, но цветной.

Г. Ч.

Да! Ты прав. Я консервативна.
Мне порнуху смотреть противно,
Гнусно чтиво, что здесь продается,
И обрыдло «Поле чудес».
Мне нужны туман над болотцем
Да прогретый солнышком лес,
На траве веселые блики,
Гам ребячий, воробышков крики,
В тихом храме светлые лики –
Вот где жизнь без гримас и словес.
Только здесь она настоящая,
Даже боль ее славить буду,
Как прививку от наглой, кричащей
Суеты, воцарившейся всюду.

ТАНЕЧКЕ К.

С утра сумятица, разбой белесой мути.
А на окне такой живой в водичке прутик.
И быт смешной, где все вверх дном,
И общий ералаш кругом,
И снег колотится в стекло –
Все славно, в общем.
Пусть жизнь на вкус горчит слегка,
Как милый запах тополька,
Пускай тропинку замело –
Опять протопчем.
Кружат судьба ли, вьюга нас,
Они в итоге
Нам новый день, как снежный наст,
Постелют в ноги.

Бабочку кушает хищный паук,
Съели коллегу прохвосты.
Вышел бесстрастного солнышка круг
Мелкой тарелкой просто.
Дикий какой-то у всех аппетит!
Лопайте, божьи твари.
Как мне обжорство ваше претит,
Если б вы только знали!

Снег цвета солнечного зайчика.
Я даже мерзну не всерьез.
Когда весна поманит пальчиком,
И минус тридцать - не мороз.
Ах! Наконец-то все мы женщины!
Нам мужички купили торт,
Нас поздравляет шеф застенчиво
И даже милыми зовет.
И баритоном симпатичным
Какой-то стих читает. Лично!
А рядом с этой милой прозой
Назло хорошему морозу
Намек весны на снег прилег.
И стал чуть-чуть теплой снежок.

Солнечно-сиреневым снегам,
Топтанным, изъезженным, засоренным,
Небо улыбается слегка,
Будто глазки Катеньки Какориной.
Свежий гомон детских голосов,
Блики на стене, как отблеск счастья.
Будни? Может быть.
Но день таков,
И не хочется, чтоб он кончался.
И не страшно жить, терпеть, страдать,
И не стыдно быть смешной и слабой,
Потому что эта благодать –
Не последняя любовь и радость.

О ПТИЧКАХ

Это авитаминоз.
Отощали организмы,
Свесил вниз свой клювик-нос
Гость пернатый на карнизе.
Что ж ты, глупенький, взъерошен,
Не клюешь промерзших крошек?
Я сама, как хворый птах,
Замерзаю апатично.
Мне весна и крах в делах
В равной мере безразличны,
Но тебе, печальный мой,
Дам черемухи сухой,
Сухарей поджаристых...
Не умри, пожалуйста!

Осенняя слякоть отрадна,
Весенняя грязь гнусна,
А между, строга и опрятна,
Такая большая зима,
Что вытаявшая гадость
Уже не в укор, а в радость.
И жизнь хороша даже тем, что плоха
И все мы в ней не без греха.
Опять порастет травую
Хорошее и дурное,
И радугой встанет лето,
И вниз опадет листвою,
И будет снег фиолетов
Под дедовской старой сосною.
И я так богата, что равных мне нет:
В руке - черный хлеб,
В глазах - белый свет.

Н. П.

Проволоки ком
Стал живым кустом.
Пахнет солнышком,
Мокнущим снежком.
Уходи, мой Лель,
В радостный апрель.
Ледяной рукой
Я закрою дверь.
В сумраке моем
Ни обид, ни бед.
Мне не больно, нет.
Уходи, мой свет.

ОТЦУ

Там фото на эмали,
Там небеса - эмаль.
Пластмассы, воска, стали
Заучена печаль.
А ты не там, ты рядом,
Как дождь над старым садом,
Зимою петли заячьи,
Весною горчицеты,
След самолета, тающий
Над головою где-то,
Друзья, озера, птицы,
Цветы, улыбки, дети –
Все, что должно случиться
Хорошего на свете.
Как росная трава,
Как клейкий лист весной.
И если я жива,
То ты живешь со мной.

НОВЫЙ ДЕНЬ

Небесно-серый с солнечным отливом,
Озвученный скандалом воробьиным...
Как много нужно, чтобы быть счастливой!
Вот ветка отцветающей рябины.
Над нею низко пролетает птица.
К дождю. И снова только ветка.
А воробьиный крик почти неистов.
Старушка-жизнь! Меня ты любишь крепко,
Ведь ты же показала мне все это.
И под задорный гвалт в лицо мне льется
Клочок небес невиданного цвета,
Как чудом, изнутри согретый солнцем.

**УВАЖАЕМОМУ СОСЕДУ
АНТОНУ ИВАНОВИЧУ
ЩЕРБАКУ**

Вдоль веселой кирпичной дорожки
Все ирисы и одуванчики.
Ты куда поспешаешь, Антошка,
Леденцами набив карманчики?
Все зеленое, желтое, синее:
Небо, солнце, цветы и трава.
Да и сам ты зеленкой вымазан,
В золотистых вихрах голова.
Мир просторный, щедрый и яркий.
Ах, как сладок его венец –
Самый лучший из всех подарков,
Изумрудный большой леденец.

Насупились тучи,
Нахмурились лужи,
Попрятались птицы, собаки и кошки.
Как жаль, что никто босиком не закружит,
Танцуя по лужам, смешной и хороший!
Пришли аллергия, прогресс, анемия...
Нет девочки Таточки, крепкой как репка.
Дела твои, Боже, такие чудные!
Ах, наши? Конечно!
Прости нас за это.

Вот аквариум, в нем рядом я и ты,
В нем на скатерти лиловые цветы,
Потому что мы у чайного стола.
(Рыбка в гости к нам случайно заплывла).
В круглой комнате мы вместе, все плывет:
Книги, водоросли, чашки, серый кот...
Вот и глубже стал мирочек обжитой
Под водою, рядом с рыбкой золотой.

Вода стеной и волны в ноги. Плывут
и тонут в сером цвете Пустырь,
проезжая дорога,
Амбар, который стал мечетью.
Всевышний все сечет дождем.
И вкупе нас. И поделом.
Мы засоряем души, землю,
Мы гласу Господа не внемлем,
Нас с нашей суетностью, ложью
Не зря боятся твари божьи.
Создатель! Пожалей людей!
На нашу грязь свой гнев излей,
Чтоб стали мы добрей и чище.
Пусть нам птенцов доверят птицы,
И небо синие глазищи
Не прячет в мокрые ресницы.

Понаскучив жизнью легкой, летучей,
Кучевые облака сбились в кучи,
Посмотрели вниз и враз посерьезнели,
Грозowymi стали, темными, грозными:
У людишек на Земле безобразия!
Отхлестать дождем как следует разве их?

Прилягу, лицо запрокину.
Кузнечик, от счастья звеня,
Живи под стволами травинок,
Не зная, что любишь меня.
Я вверх потянусь ветвями,
За землю держась душой.
Округу наполню шмелями,
Душистым горошком, росой.
Когда я взойду вот такая:
Вся в искрах, без веры во зло,
Пусть люди цветы срывают
И радуются светло.

Возьми меня в сестры, трава!
А выпадет мой черед,
Я стану в рост такова,
Что чудо произойдет.
День будет любовью искриться,
Как первый ландыш в росе.
Пусть алая зорька струится,
Как лента, к речной косе.
Пусть мамы детей ласкают
И дождик веселый льет,
Я знаю, душа родная
Опять в миру подрастет.
Возьми ее в сестры, трава!
Подскажем сестре своей
Растительной тайны слова
О братстве трав и людей.

В зеленых травах палый лист.
И в золотой воде.
И всюду.
Сквозь август осень льется вниз
Безоблачным и теплым чудом.
Какое счастье - просто быть
На этот ясный день похожей!
Кого-то лаской одарить,
Как паутинкой по щеке,
Как желтым яблоком в руке,
Как нежным солнышком по коже.

Мне дарована ласка
В слове медленном «осень»,
В поздних выцветших красках
Скрыт мой праздник неброский:
Небо низко летящее,
Воздух свежий и влажный –
Мой сентябрь уходящий.
День, когда я однажды
Самым будничным утром
Стала жить, постигая,
Как устроена мудро
Наша жизнь небольшая.

Прости меня, великий Логос,
За суету и болтовню.
Яви божественную строгость.
Терзаюсь и себя виню
За неуменье, немолчанье,
Неверу, нелюбовь, незнание.
Противно во всеобщем гаме
Сорить делами и словами.
Пусть онемею и ослепну,
Пусть в отрешенной и нелепой
Одна душа моя немая
Все чувствует и понимает.
Пусть будут, беззащитной ей,
Беда больней и боль острее,
Все скорби ей и все печали –
Она все выдержит, жива
Тем, что другой поймет едва ли,
Уйдя в ненужные слова.
Но то единственное слово
Пусть воссияет наконец,
Чистейшею лучась любовью.
И это будешь Ты, Творец.

Я дочь, но буду старше папы.
И даже скоро. Времечко летит.
Но дедова сосна не вскинет лапы
И яблонька в окно не поглядит.
Сажая огород, копаю землю.
А там пустырь, там не живет никто.
Я видела сама: ни дома, ни деревьев.
И обхожу сторонкой место то.
Но верю снам. Они твердят, что все же
Из жизни не исчезло ничего.
И с каждым днем все больше я похожа
На деда и на папу своего.

А. Б.

Как эта роза неповторима!
Как эта женщина уникальна!
То, что мы любим,
Те, кто любимы -
Все украшают прелестью тайны.
Пусть эта женщина не Афродита,
Пусть эта роза с шиповником схожа,
В любящем сердце сокровище скрыто:
Только она! Нет милей и дороже.
В любящем сердце восторга кипенье.
Я в этом ритме жить постараюсь.
Песню услышу - замру в восхищенье,
Вижу ребенка и улыбаюсь.
Мы озверели, срываемся с круга.
Стойте! Зачем воевать понапрасну?
Необходимо влюбиться друг в друга.
Этим спасемся. Ведь мы так прекрасны!

Не лги, что жизнь - борьба без правил.
Они-то определены.
Ты сам все предал, всех оставил –
Прилавку корни не нужны.
Молись на то, что продается!
Твой идол над тобой смеется.
Зря уверяешь, что богат,
Ведь бытие твое - дешевка,
Иллюзия, где суррогат
Мишурной манит упаковкой.
У нас все просто: боль и нежность
Переплетутся неизбежно,
И будут скорби и утраты,
Усталость, вечные заботы.
Мы перед кем-то виноваты,
И даже перед нами кто-то.
Вот так и маемся, стареем.
Иначе просто не умеем.
Мы платим жизнью и судьбою.
Все подлинное, все живое.
А ты? Ты где-то в стороне.
Что можешь ты понять извне?
Ты существуешь, не любя.
Ты виртуален. Нет тебя.

А в кронах младенческий лепет
Негромко пророчит, что здесь Земля
разнотравием лечит
Любую беду и болезнь.
Поверь в это доброе средство –
И будет по вере дано.
Березы, большие младенцы,
Об этом лепечут давно.
Люби и бессонницу ночью,
И стужу бескрайней зимой,
Пей чай с чабрецом, между прочим -
Самой Богородской травой.
Не все безнадежно на свете,
Где даже в снегах голубых
Живут горицвет и бессмертник,
И много растений других.

Здравствуй, скверик, приятель старинный!
Нынче, вместо деревьев до неба,
Две аллеи сирени, рябина
Да развалины клумбы нелепой.
В детстве звался парком, горсадом.
Помолчим, дружище, в тиши.
Все как есть. И другого не надо.
Мы не суетны и хороши.
Видишь, кроха с мамой гуляет?
Ну, давай, тряхни стариной!
Парк огромный и тетя большая –
Это, кажется, мы с тобой.
Ты опять, приятель старинный,
Роль гиганта играешь. И прав.
И улыбка старой рябины,
Словно голос детства, добра.

Неприметно цветет кровохлебка,
Жметя тысячелистник у тропки,
Подает подорожник ладоши мне,
А шиповник плодами хорошими
Чай советует заварить...
В этом мире мне любо жить
Оттого, что сама такая,
Как и все, что здесь подрастает:
Не роскошная и не южная.
Не черешни - костянки нужно мне.
Я не в сладком раю Поднялась и стою.
И рябинка рядом пылает.

Пруд это или лужа
С осокой полукругом,
Но он кому-то нужен,
Как мы с тобой друг другу.
Лягуха безмятежная
Среди его красот
С улыбкой самой нежною
Сидит и мошек жрет.
Сидит и счастлива вполне.
А ты, дружок, милее мне,
Чем радостной лягухе этой
И пруд, и комары, и лето.

Научусь бескорыстью желаний,
Научусь безмятежности чувств.
От глупцов и разочарований,
От грехов удалюсь.
Окружу себя небом и лесом,
И бесхитростным милым зверьем.
Только все это бесполезно.
Плохо дело мое.
Самой грозной болезнью - любовью
Сердце с детства заражено.
Пусть болит себе на здоровье,
Значит, просто живое оно.

Невинный взгляд небес сквозь ветки
Ласкает всех. Милы и жалки
Ему трава с костянкой редкой,
Грибы-опята, птица-галка
И тот, кто гладит виновато
Березку по атласной коже.
Чудаковатый, непонятный,
Так на соседей не похожий.
Сейчас просить прощенья станет
За безобразья человечьи,
Ведь на опушке свалка дряни,
И сам околок изувечен.
Бедняга со стыда сгорает
За всех собратьев-негодяев.
А небо смотрит чистым взглядом,
Все извиненья принимает
И, как березку эту рядом,
Его жалеет и ласкает.

Осеннее солнышко поздним теплом
Ласкает сухую траву.
Спасибо, судьба! Мне ведь так повезло,
Что я родилась и живу,
Что праздники редко.
Что жизнь - это труд,
Что можно на склоки и зло
Ответить улыбкой, пусть сплетники врут.
Я счастлива. Мне повезло.
Спасибо за бестолочь и за болезнь,
За несправедливость твою,
За то, что я все-таки вот она, здесь,
Под солнцем и небом стою.
За то, что беда подарила друзей,
За мысли в бессонную ночь.
Спасибо тебе! Среди добрых людей
Есть мама, а я - ее дочь.
И осень сбывается в мире моем.
И я сухоцветов нарву.
А главное - солнышко поздним теплом
Так нежно ласкает траву.

Боль - милость, а беда - награда.
И это дорогого стоит.
Дышу. Люблю. Сильна и рада.
Все к лучшему. Болит живое.
А скажет жизнь:
- Пора прощаться!
Вздохнув, запомню, как весной
Березки светятся от счастья,
Сияя первою листвою.

Помолись о нас, Богородица –
Умягчение злых сердец,
В коих скверна не переводится.
А ведь создал когда-то Творец
Нас по образу и подобию.
Только души бессмертные гробим мы,
Став исчадьями дикого мира,
Злого, с небом в озоновых дырах,
Где дошкольник наглый маты гнет не шутя.
Он поруганный ангел или злое дитя,
Чья мамаша родительских прав лишена?
Бабка пьет, он растет среди нас,
Среди мерзостей, среди сброда
Вот уж целых четыре года.
Кем он станет? Заступница! Чудо яви,
Дай мальчишке спастись, причастившись Любви!
Помолись о нем, Мати Всепетая,
Всемогущему Слову этому!

Ни старого сада. Ни крепкого дома,
Ни склада, ни лада, ни тропки знакомой...
Нет папиной яблоньки возле окна –
Мне, как оберег, помогала она.
Жизнь снова трудна,
И опять интересна.
Есть новые мысли и новые песни.
Хорошим живем.
А о скверном - не надо.
Проблема лишь в том,
Что ни склада ни лада.
Нет папиной яблоньки,
Старого сада.

Г.М.В.

Две придворные вороны Вас
представят ко двору
И торжественно ко трону
Вы пройдете по ковру...
Что там, в сказке, было дальше?
Плен и север. Дальний путь.
В жизни все совсем иначе,
Хоть сюжет похож чуть-чуть,
Как пленительная роза
И цветок на старой шляпке,
Как январские морозы
В нежных сказках милой бабки.
Мерзли грубые ладошки
В холода без рукавиц.
Где вы, Герда-босоножка?
Жду письма из «заграниц».
Там Вас встретят у порога,
Вы опишете мне, как «Клара,
Клара, я растроган!» - Г аркнет
старый Карл-добряк.

Мы у планеты байстрюки.
Бедняга корчится от боли
С тех самых пор, как чад лихих-
Людишек принесла в подоле.
Родства не знаем. Грех на нас:
Смерть братьев. Матери увечья.
И то, как мы живем сейчас,
Безбожно и бесчеловечно.
Но есть младенец. И, скорбя,
Мать наклонилась к изголовью.
И терпят небо и земля
С Надеждой, Верой и Любовью.

От одиночества бешусь.
Кому нужны мои причуды Моя
любовь, мои простуды
И пироги, и строгий вкус,
Когда уже почти три дня
Никто не навещал меня,
Не оставлял понянчить чада,
Не нес вязанья и шитья.
Писать контрольные не надо
Для вас, заочники-друзья.
Как будто я исчезла вовсе.
Занять денег и то не просят.
Но скоро праздник, а ему
Предшествует возня такая,
Что я, запыхавшись, пойму:
Мне вас, друзья мои, хватает!

Финифть и тишина...
Какое утро!
А я одна. На целый мир одна.
Лишь старая сосна не спит, как будто
Она в пушистый сад впервые влюблена.
А под сосной забыта рукавичка.
Украшу дерево, ведь нынче Новый год.
Пусть этой детскою нарядною вещичкой
Сосна, как елочной гирляндой, щегольнет.

ВАЛЬС СНЕЖНЫХ ХЛОПЬЕВ

Снова сочельник. Чайковский, сказка.
Чистая, нежная музыка снежная.
Вечер так тих, а морозец так ласков!
Детское что-то и безмятежное
В звуках прозрачных, летящих светло,
В танце волшебных чудо-снежинок.
Чары развеяны, сгинуло зло.
Праздник грядет, улыбаясь невинно.
Жизнь победила. Так будет всегда.
Горе проходит, любовь остается.
В небе сейчас воссияет звезда.
Снег, словно музыка, падает, вьется.

РОЖДЕНИЕ

Все вальсы осени нужны,
Все белые стихи зимы,
Хореев летних жар, цветенье
И пенье дудочки весенней...
Возьму у жизни звуки, краски,
Добавлю к ним любви и ласки.
Переболею красотой,
Болезнь солью в мотив простой.
Сама с собой затею битву,
Его словами облакая.
Чем будет - песенкой, молитвой
мое дитя?
Пока не знаю.
Но ту кровиночку, что будет,
Доверчиво отправлю в люди.

Пейзаж январский карандашный
Оконной рамою окован...
Подарок царский - день вчерашний!
Теперь все так свежо и ново.
И нежным ватманом дорога -
Штриховка робкая обочин,
И тихий полдень-недотрога,
Что хмур немного, но не очень.
И впереди еще есть дни.
Пусть будут добрыми они.

Тишайший снег к земле торжественной
Нисходит тихо и таинственно.
Смотрю в окно (пейзаж божественный)
И верю абсолютно искренне,
Что город светел и пристоеен,
Что каждый третий - джентльмен.
Давай забудем про плохое!
Нам счастье выпадет с тобою,
Как этот снег и этот день.

Фарфоровая нежность,
Изысканная снежность,
Сквозь белое порхание
Ни звука, ни дыхания -
Другое измерение.
Ни более ни менее...
А здесь у нас такая
Сплошная суета.
Но ахнешь, обмирая:
А красота какая!
Какой снежок! Зима.
Идет проникновение
В другое измерение.
И это, братцы, просто жизнь.
Ни более.
Ни менее.

1 ФЕВРАЛЯ

Как странно, что рукою
Озябшей и живой
Я холод над тобою
Взьерошу снеговой.
Ты веткой осторожно
Задел мое плечо.
Мы встретились. И можно
Уйти. И жить еще.
Терпеть. Ведь есть на свете
Любовь и жизнь пока,
Есть ласковая ветка,
Как добрая рука.

ПЕСЕНКА

Икарус, как аквариум, плывет сквозь зимний лес,
Мы в нем, как девять рыбок, пучим глазки,
Не смея встать и выйти в этот дивный край чудес.
Он мимо проплывает словно сказка.
Ах, это диво дивное мы вспомним, и не раз.
Мы в этот невозможный лес влюбились.
Сейчас лишь он на целом белом свете есть для нас.
Мы все как будто даже позабыли,
Что дома, в чаду, в суете,
Нам как на сковороде
Придется рыбками биться, не замечая,
Что божий мир так хорош.
А разве это поймешь,
Когда свою жизнь в такой кошмар превращаешь?!
Вот так бы дальше плыть, и пусть очистится душа,
Ведь красота, всю дрянь с нее смывая,
Покажет, что душа-то изначально хороша,
Добра и все на свете понимает.
Тогда, вернувшись назад,
Минуешь обычный ад,
Без спешки вокруг посмотришь, поймешь и скажешь,
Что есть и любовь, и свет.
И даже вредный сосед
Сочувствие вызовет, состраданье даже.

ПАМЯТИ В.Г. ШЕСТЕРИКОВА

Жизнь. Обыденность. Серенький видеоряд.
Переростки-герани на старой веранде стоят,
До весны не хватило капусты, вода в огороде.
Всюду будни: в семье, на работе, в природе.
Все так скучно, тоскливо даже.
Мы красот искать здесь не будем,
Но поэт свое слово скажет,
И готовы мы полюбить
И печную заслонку в саже,
И давно надоевшие будни,
И уродцы-герани, а также
И соседку, что впору убить.
Потому что все это становится частью его,
Потому что любви слишком много в нем для одного.
Потому что она, вырастая, весь мир наполняет.
И становимся лучше мы.
Вот ведь картина какая...

С. Б.

Ах! За окном такой пейзаж!
А здесь C_2H_5OH ...
Оставьте, что вы, право!
Вы правы, жизнь - отрава.
Но лучше ею отравиться,
Чем снова гадости
напиться.

В.

Оголтелая первая муха
Истерзала мне органы слуха.
Но осенняя муха гораздо отвратней,
В силу опыта, вероятно...
Ваши милые гадости детски наивны.
Я и злей, и гораздо противней.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВЕРЫ

Прежде, чем выросла я,
Выросла Вера моя.
Верится в совесть и честь,
Которые все-таки есть,
В крест матерей и отцов –
Маленьких сорванцов,
В помощь дружеских глаз,
В тех, кто зависит от нас,
В землю мою хорошую,
Доброй травой поросшую.
Я - моей Веры творенье,
Мамино продолжение.
И постаралась не даром она,
Вера моя Захаровна:
Верить учила искренне,
В храм приводила, к Истине.
Свечки мы вместе, как водится,
Ставили Богородице...
Мама! Любви, что ты мне подарила,
Мне бы на тысячу жизней хватило.
Серым твоим обнимающим взглядом
Небо посмотрит, значит, ты рядом.
Ласковый дождик скажет мне вновь
Маминым шепотом:
Бог есть Любовь!
Дымчатый день в убегающих тучах
Весь подчинен этой силе могучей,
Самый несчастный и злой из людей
Хочет любви и нуждается в ней.
Так не противься любви и проси:
- Отче наш! Иже еси...

В окошке тополь обомшелый,
Пустырь, забор и чья-то шавка.
Ну что в палате этой делать?
А там кусты и рядом лавка.
На ней две милые бабули
Серьёзной заняты беседой.
Они на корпус наш взглянули,
Перекрестились и вздохнули.
Неужто нас хотят проведать?
Старушки! Есть дела важнее.
Соседка, вон, парик сменила
И кто-то новый рядом с нею.
Она опять лепечет: «Милый!».
А Пантелеич пьян немножко,
Грозится с Жанкой разобраться...
Я слышу даже из окошка –
Вам есть чем на земле заняться.
Ворчанье ваше так привычно,
Как летний дождик, как картошка.
Мне это очень симпатично.
Я подлечусь еще немножко –
И к вам, на солнышко, чтоб жить,
Дышать и глупости творить.

Где невинность души?
Где ты, взгляд мой наивный?
Зло стыдилось и пряталось в сказке старинной,
Но его все равно опасались
И душой к нему не прикасались
Там, где дышится сладко, и бессонницы нет -
Просто счастье и дня не хватает,
Пишут в школьной тетрадке стихи при луне,
А во сне непременно летают.
И чистейшею детской любовью полны
Те, кто в этом раю рождены.
Но спешат повзрослеть все наивные дети,
Им за это готовы капканы и сети.
Сказка кончилась, вместо нее Интернет,
Деньги, полосы «желтых» газет...
Нас порой и сейчас посещают, как чудо,
Люди взрослые ликом, с душою оттуда,
Где и мысли, и чувства чисты
Ясной мудростью простоты.
Но, в безумной своей суете,
Мы пути выбираем не те.

«У жизни жесткие лапы
И ласки суровые самые.
А выжил - морда в царапинах
И холка в глубоких шрамах», -
Вещает мой новый сосед.
За сорок неполных лет
Он так свою жизнь искорежил,
Как будто их десять прожил.
Сидит весь опухший, избитый и злой
И пьёт, никому не родной.
Но нас он стесняется.
Блудный мой брат!
Ты грешен? Я, может быть, хуже стократ...
Очисти нас, Боже, безумных и злых,
Детей непутевых своих!

Непричесанная природа.
Меж деревьями сухостой.
Грач усталый по травке бродит.
Вид у птички такой занятой!
Небо машет серым платочком,
Ноги в желтой глине увязли...
Я земли этой глупая дочка.
Вот стою, улыбаюсь от счастья.
И не трать слова на такую -
Неустроенную, непробивную.
Все советы, расчеты - мимо.
Не волнуйся. Я несправима.

Вдруг январски схватило весеннюю влагу.
Город холоден и злонамерен.
Снег клочками замурзанной старой бумаги
Засорил угрюмые скверы.
Боль. Тоска. Гололед.
Ну скажи: «Все пройдет!»
Обмани меня, я поверю.
Это даже не ложь.
Правду скажешь - убьёшь.

Не впервой луной полно
Окаянное окно.
А за этим за окном Бабий
яростный синод Злым
глаголом ересь жжёт.
Отведу глаза. Уйду
За крамольную черту
В колдовской полет мечты.
И, набравши высоты,
Очень храбро улыбнусь:
Я вас, люди, не боюсь.
А хотите ввысь, сюда,
Где добро и красота?
Бросьте ваше клокотанье,
Приглашаю полетать.
Приглашаю вас любить
И словами не сорить,
Просто добрыми глазами
Чувства нежные дарить...
Вот с улыбкой я иду.
Стихли тетки, молча ждут.
Что хорошего им сделать,
Чтобы не страдали тут?
Чтобы жили веселей,
Чтоб смотрели подобрей.
Пожалей их, Боже, милых,
Замороченных людей.

Греет душу рябина в снегу Горьким
чудом земной красоты.
Без звонков и без писем могу,
Лишь бы знать, что в порядке ты.
И молитва каждого дня
Есть пред Господом у меня.
Я молю:
Милосердный Боже!
Не оставь моего Серёжу.
Дажь рабу твоему Сергию
В бесконечном Твоём милосердии
Быть здорову, благополучну,
И друзей пошли самых лучших,
И во все его, Господи, дни
От напастей земных храни.
Пусть не вижу его и не слышу,
Пусть он мне не звонит и не пишет,
Пусть он где-то в Клину, а я здесь,
Лишь бы знать, что Серёжа есть.
Дай, Господь, в далеком Клину
Самой лучшей доли ему.
А не хватит доли, быть может,
Отними у меня - дай Серёже.
Потерплю. Лишь бы только он был
И меня, если может, любил...
У меня есть рябина в снегу,
И зима полна красоты.
Быть счастливой и сильной? Могу.
Лишь бы знать, что в порядке ты.
Просто занят: работа, семья.
Мой родной! У тебя есть я.

Я знаю: существует роскошь
Возделанных земных эдемов.
Но, в дикой красоте возросши,
Люблю родную, злую землю.
И даже счастлива, что просто
По бездорожью, наудачу Отмеряю
шальные версты, Вцепившись в
жизнь,
Как в бок собачий...
Когда на землю упаду,
Увижу небо и взойду,
Пусть Глас, исполненный любви,
Мне скажет: Прощена. Живи!

От вьюг - снежинку,
От гроз - дождинку,
С августа - легкую паутинку.
С палого листа, с голого куста,
Со всего живого
По звуку, по слову,
По мигу, по части,
По искорке счастья,
По капельке силы...
Мне нужно так много,
Чтоб века земного
На всё не хватило.

ПРИМАТЫ

Голы наши ладони,
Взгляд исподлобья пытлив.
Кто нас посмеет тронуть?
Дикий, но коллектив.
Жизнь нас жестоко дразнит,
Человекообразных.
Мы же, сплотившись в стаи,
Круто ей отвечаем.
Пусть глупо щебечут птицы,
Что так звереть не годится,
Что нужно иметь терпенье
И что-то о всепрощенье...
Лишь прорычим в ответ:
В джунглях придурков нет!

Курга упала на снега.
Весь мир сегодня нежно-магов.
Задумчивы домов стога,
На улицах не слышно матов. Прекрасны
чувства и пейзаж.
Как славненько! Какой вейзаж!
Давай, зима! Рисуй нам сказочки,
Лепи из снежных хлопьев фразочки.
Пусть будет happy end в финале.
А чтобы мы не заскучали,
Морозцем постращай чуть-чуть,
Чудес добавить не забудь.
И мы, прожжённые неверьем,
Возьмем и сказке вдруг поверим,
И скажем: красота какая!
И никого не обругаем,
Добрее будем в сотни раз...
Возможно, даже целый час.

Я исчезла. С этого дня
Никогда не будет меня,
Той - живой, смешной и не скрытной,
И до глупости беззащитной.
Всё. В словах и в поступках вялость.
И живу. Но что-то скончалось.

Как чудесно, что перемены
Постоянны и неизменны!
Это счастье - свежесть ненастья...
Но хотелось иного счастья.

Ах, с небес воды пыльца!
Гнусная распутица.
Люди врут, что цвет лица
В сырости улучшится.
Врут, что нет плохой погоды,
Что прощу, мол, стервеца...
Что-то есть в таком подходе
Ко всему, что дается!

А снега-то извел мороз.
А на голый-то лес - гром...
Вместо милых сердцу берез
Всё щепы да мусор кругом.
Но сквозь сор и утренний лед
Симпатичная травка растет.
Я ей рада, вернувшись домой,
Улыбнусь как сестренке родной.
«Надо жить», - негромко скажу
Очень храброй птице - скворцу.
И опять берез насажу,
А рябинку - ближе к крыльцу.

МАРГО

И лампа ночная,
И ведьма шальная,
И слёзы, и черти...
Любовь и бессмертье.
Всё было как будто.
И только потом
Квартирка уютная с «южным» окном,
Мимозы букет и сосед - Алоизий.
И мастера нет.
И хрипит телевизор.

Ты погружен в ассоциации,
Ты изощрен в аллитерациях,
И от твоей версификации Я
битый час уже в прострации.
Мудришь! Поэзии тут нет.
Уж если говорит поэт,
Иной, почти что детский лепет,
Распахивая душу настежь,
Вдруг сердце сразу так зацепит!
Доверчивый и настоящий,
Как первоцвет в ладошке детской.
Оставь, дружок, заумный бред свой.
Душа поэзии проста:
Жить! Трепетать! Любить!
Всегда.

Ах, лето в дожде,
Как рыбка в воде!
В природе согласие:
Лягушки и утки Которые сутки
купаются в счастье.
Поливают огород
С небесных щедрот.
А возле забора, где лужа как море,
Бесстрашная Дашка купает кота.
Но жизнь, как всегда, лишена совершенства.
Вот кот и орёт. Он далёк от блаженства.
Но занят ребенок и рад весь квартал,
Что Дашка
 всего лишь
 купает
 кота.

ЛЯЛЬКА

Сыро, холодно, за оконцем
Беззастенчиво тусклый вид.
Облысевшее за лето солнце
Сбоку тусклым уродцем висит...
Но ворвётся красивая, злая,
Неожиданная такая.
Всё вокруг кувырком,
И не дом, а содом,
Но уныние исчезает.

Сталью полоснет водица вешняя...
Тополь сломлен. Комель между луж.
Встрепенись, моя душонка грешная!
Все твои печали - просто чушь.
Ведь пока хоть веточка жива,
Тополь - дерево, а не дрова.
Он не сдался, почки рвет листвою.
Больно? Значит живы. И всего-то.
Знаешь, этому учиться стоит!
Быть счастливой - трудная работа,
Но взялась - терпи и соответствуй.
В этом мире ищешь ты любви?
Так найди её в сильнейшем средстве:
Всех прости и всё переживи.

Я молюсь великой любви Перед
ликами всех святых.
Злые мысли, дела мои,
Не заденьте любимых, родных.
Не пади на них никогда Тень ошибок
моих и грехов, Обойдите болезнь и беда.
Боже! Ты, чьё имя - Любовь!
Мало я возлюбила. Прости.
В доброте безмерной твоей
Светом чистым их жизнь освяти
И меня, прошу, пожалей.
Если выпадет злая напасть,
Пусть не им, только мне одной.
Дай за них пройти, не упасть
Под крестом тропую крутой.

Но бессильно смотреть,
Не помочь, не спасти
Больше, Господи, не приведи.
Я любви милосердной молюсь,
Все прощающей без конца.
А слова мне подскажут пусть
Души мамочки и отца.
Как прощали меня они,
Боже щедрый, прости, молю!
Не прошу продлить мои дни,
Но пока живу, пусть люблю.
Вновь дожди грибные пошли,
Улыбнулось сквозь слезы небо.
В расписном подоле земли
Лето зреет колосьями хлеба...
А Любовь всемогущая дышит везде:
В людях, в травах, в деревьях, в воде.

**ПАМЯТИ МОИХ
НЕЗАБВЕННЫХ МАМЫ
И БАБУШКИ
ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ**

Опять росой блестит трава,
В день превращается рассвет.
А мама навсегда жива.
Я знаю: смерти вовсе нет.
Пусть жизнь меняет свой покров,
Как год меняет времена,
И всё затем, чтоб вновь и вновь
Давали всходы семена,
Чтоб Слово почву обрело,
Любовью душу озарив.
Нет смерти. И бессильно зло,
Поскольку возлюбивший жив...
Все тленно, лишь любовь живет.
День ясен. Отпылал восход.
Сирени белые в цвету.
Как мама радовалась им!
Сквозь белый кипень их иду - Несу
слова любви другим.

Лес пролетает мимо, мимо...
Мелькают пашни и поляны.
Зачем же так необходимо
Куда-то мчаться постоянно?
Хочу сейчас к тому подлеску
С веселым стрекотом и звоном,
Чтоб озерца веселым блеском
Залюбоваться изумленно.
Хочу увидеть все подробно:
Изгиб ствола, сухую ветку,
И, ягодку сорвав на пробу,
Найти обабок неприметный,
Смешной, с травинкой, в шляпку вросшей,
С немного косолапой ножкой.
Но важная командировка
Машину гонит в город срочно,
А там такая обстановка:
Не до полян, не до грибочков...
Не верю, что необходимо
Не жить, а вечно мчаться мимо.

А.

Мягкий снег уступает под валенком,
И седой небосвод приветлив.
Для тебя, мой хороший, мой маленький,
Есть любовь и нежность на свете.
Даже жесткие дедовы руки
Стали мягче пуховой постели,
А глаза соседской старухи
В первый раз вот так потеплели.
Перед мудрым взором ребенка
Всюду лишь тишина и покой.
Точно новенькая пеленка
Мир простерся перед тобой...
Отчего замирает сердце
Рядом с вечным чудом рожденья?
Щедрый Бог нам дарит младенцев
И готов подарить прощенье.

Пахнет елью, апельсином, детством
Самый лучший праздник новогодний.
Да и все мы, если приглядеться,
Девочки и мальчики сегодня.
Пятилетней королеве снежной
В сказку дверь открыта, власть дана.
Мишура, украсив лобик нежный,
Драгоценней всех алмазов нам.
Боже! Как мне хочется опять
Чуда ждать, как девочка под елкой!
И дожждаться, и счастливой стать.
Просто, без затей. Суметь бы только
Совершить такое, чтоб хоть раз
Улыбнулись вдруг как дети все мы.
Верю. Жду. Любовь! Зажгись для нас
Дивною звездою Вифлеема.

Автор благодарит главу ТОО «ЖНВ»
Николая Владимировича Жигалова
за помощь в издании этой книги.